

Хисамутдинова Р.Р.
УНИКАЛЬНОСТЬ ПИСЕМ ВОЕННЫХ ЛЕТ
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ КОЛХОЗНИКОВ УРАЛА

В наши дни фронтовые письма и письма на фронт – это самые дорогие, бесценные реликвии. Как исторические документы, письма с фронта и на фронт имеют ряд особенностей. Боец, отправляющий весточку домой, или его родные, которые писали ему на фронт, и не помышляли о том, что, спустя десятилетия, их послания будут читать и изучать посторонние люди, поэтому они писали просто, откровенно, искренне, о наболевшем. Война длилась 1418 дней и ночей. Единственной нитью, которая связывала солдата с родными и близкими, были письма. Посредством переписки происходил обмен эмоциональными переживаниями, восполнялся дефицит интимности. Учитывая большое политическое значение такой формы связи между народом и армией, ЦК ВКП(б) 4 октября 1941 г. принял решение о мерах по ускорению доставки писем с фронта.

Значительный интерес для объективного изучения истории советской деревни военной поры представляют личные письма сельских тружеников Урала на фронт своим мужьям, отцам, сыновьям и дочерям, своим родственникам, жившим в других местах, а также письма советских, партийных, хозяйственных руководителей в вышестоящие органы и письма-жалобы сельских тружеников в военные отделы обкомов партии. Эти письма о тяжелом материальном положении, о голодном и полуголодном существовании сельских тружеников тыловых районов страны были перехвачены военной цензурой и долгие годы хранились в архивах под грифом «совершенно секретно» и только в 90-е годы были рассекречены.

В годы Великой Отечественной войны жертвенный подвиг во имя спасения Родины от фашистских захватчиков совершили не только воины Красной армии, но и гражданское население тыловых районов страны, в том числе и уральского региона. В состав Уральского региона входили в годы войны пять областей: Чкаловская (Оренбургская), Челябинская, Свердловская, Молотовская (Пермская), Курганская, и две автономные республики (Башкирская и Удмуртская), из них сельскохозяйственными являлись Оренбургская, Курганская области и Башкирская АССР. Если городское население, работая на военных заводах и фабриках, вооружало и одевало армию, то сельские труженики кормили и армию, и городское население. В отличие от жителей городов, которые были обеспечены карточным снабжением, на сельских тружеников карточная система не распространялась. Хлеб из колхозов подчистую вывозился и сдавался государству, что приводило к тому, что колхозы в течение всей войны почти или вовсе не выдавали хлеба на трудодни.

Ухудшение материального положения колхозников наблюдается по мере продолжения войны. В первые военные годы у сельских тружеников еще оставались предвоенные запасы зерна. Но к середине войны эти запасы иссякли, что в условиях недостаточной выдачи хлеба на трудодни приводило к возникновению локальных очагов голода, особенно в сельскохозяйственных областях Урала. Пик снижения потребления пришелся на 1943–1944 гг., так как в 1943 г. южные области Урала были охвачены засухой. Из-за плохого урожая в среднем по Курганской области на один трудодень колхозники получили 138 грамм хлеба, в Чкаловской области – 280, в Челябинской области – 430 и в Башкирии – 390 [5, с. 298]. Фактически, конечно, было выдано меньше. Даже в Башкирии, несмотря на более благоприятные показатели, 4,6%

колхозов хлеб на трудодни не выдали, до 1 кг выдали 93,5%, в Чкаловской области – соответственно 9,2% и 90,3%, в Курганской – 3,0 % и 97,0 %, в Челябинской – 0,3 % и 96,5 %; в РСФСР – 4,1 % и 78,0 % [6, л. 406; 7, л. 459]. В наиболее тяжелом положении оказались колхозы БАССР и Чкаловской области, где процент колхозов, совсем не выдавших хлеб на трудодни, был выше, чем в целом по РСФСР и по другим областям Урала, хотя именно они являлись основными производителями хлеба в регионе. Об этом свидетельствуют также письма из Башкирии и Чкаловской области, перехваченные военной цензурой. 18 ноября 1944 г., письмо А.Д. Килина из башкирской деревни Ильинка на фронт: «Хлеба не кушаем, живем на картошке, два года хлеба не пекли и не видели, из колхоза на троих рабочих получили всего 3 кг и все, ожидать нечего, потому что нет хлеба...» [6, л. 406, 7, л. 459].

В военный отдел Чкаловского обкома ВКП(б) поступало множество писем и заявлений от жен фронтовиков, которые жаловались на тяжелое материальное положение и нехватку продовольствия. В одном из таких писем говорилось о том, что жена Т. П. Курочкина Татьяна Георгиевна (Т.П. Курочкин 21 января 1943 г. совершил подвиг, аналогичный подвигу А. Матросова, ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза), проживающая в селе Колычевка Зерклинского сельсовета Шарлыкского района, находится в крайне тяжелом материальном положении. Имеет на иждивении трех несовершеннолетних детей. Петр (14 лет) и Валентина (7 лет) школу не посещают из-за отсутствия одежды и обуви. Из-за отсутствия жилья ютятся в колхозном ОТФ вместе с ягнятами. Продовольственный паек из сельпо получают несвоевременно. В связи с этим представляют интерес строки из письма самого Т.П. Курочкина еще до совершения подвига от 2 октября 1942 г.: «Вы знаете, где я нахожусь и какая обстановка... Наша задача ... бить врага беспощадно... А вы дорогая супруга как живете, как работаете, что почем? Как обеспечилась хлебом, как думаете прожить? Как у ребят обувка, одежда? Ходят ли в школу?...». Особое значение придает этим строкам приписка: «Писал под градусом пуль и мин, осколков» [11, л. 163; 4, с. 266–267, 3].

6 апреля 1944 г. начальник Пономаревского РОНКГБ и УНКГБ пишет спецсообщение первому секретарю: «В результате просмотра писем военной цензурой выявлено, что проживающие в Вашем районе семьи военнослужащих переживают тяжелые материальные затруднения, а со стороны местных органов им не оказывается необходимая помощь», и ниже приводились выдержки из 12 писем. В основном, в своих письмах сельские жители жаловались на непосильность налогового бремени, которое в военные годы значительно выросло.

Проживающая в с. Н. Богородском Е. Пешкова в своем письме В.Г. Пешкову пишет на фронт: «...Задушили нас налогами, а там разное самообложение, облигации да лотерейные билеты – уплатили 2000 руб. Принесли лотереи на 400 руб. В общем, Вася, запылили в дым, никакой жизни нет».

«...Что я сейчас переживаю, сказать невозможно. На 1945 год принесли мне военный налог – 550 рублей, мясоставку – 40 кг, 100 шт. яиц, 115 литров молока, кроме этого, нужно уплатить шерсть, картофель, сельхозналог. Наверное, я не переживу это все...» (Отправитель: Мартемьянова А. – Чкаловская область, Бугурусланский район, с. Ключевка, 26 февраля 1945 г.) [12, л. 74 об.].

Кузнецова Акулина из Дуванского района Башкирии пишет письмо на фронт мужу: «Меня обложили налогами – 450 рублей деньгами, 3 ц картошкой. Мясо, яйца сдала, а картошку с деньгами не уплатила и нечем платить, сами сидим голодные. Меня хотят отдать под суд. Вот, Грина, Вы будете воевать, а я буду в тюрьме страдать».

Также колхозники жаловались на то, что силой их заставляют подписываться на военные займы. Ведь фактически подписка проходила на добровольно-принудительной основе. Казанцева из Башкирии пишет своему мужу на фронт: «На заем меня

подписали на 1000 рублей, угрожая, что в противном случае у меня отберут усадьбу и картошку» [7, л. 462, 113, 114]. Такие случаи были довольно распространенным явлением.

Основным источником существования колхозной семьи в годы войны являлось личное подсобное хозяйство, но и оно было обложено обязательными поставками сельскохозяйственных продуктов государству. Некоторые колхозные дворы в военные годы обнищали и не были способны справиться с обязательными поставками. В связи с этим были нередки случаи нарушения законов и распоряжений правительства райуполнаркомзагами, народными судами и райфинотделами при проведении мероприятий по взысканию недоимок и штрафов с колхозников, в том числе и с семей военнослужащих. У семей фронтовиков по четырем районам Чкаловской области (Сакмарскому, Халиловскому, Краснохолмскому, Покровскому) в 1945 г. было отобрано 19 коров, хотя эти семьи нуждались в помощи государства [12, л. 87].

В особенно тяжелом положении оказались колхозники в башкирских районах и населенных пунктах, которые плохо развивали приусадебные хозяйства, не сеяли или очень мало сеяли картофеля или овощей, а помощь из других населенных пунктов этим хозяйствам исполкомами райсоветов и райкомами ВКП(б) организовывалась совершенно недостаточно. В 1944 г. бюро Башкирского обкома партии было вынуждено принять ряд постановлений по оказанию продовольственной помощи сельским районам республики. Так, 10 марта 1944 г. принято постановление «О преодолении трудностей в обеспечении продовольствием населения ряда районов республики и фактах истощения колхозников от голода», 5 мая «Об оказании материальной и продовольственной помощи южным и северо-восточным районам республики» (10 районам: Бурзянскому, Макаровскому, Куюргазинскому, Зиянчуринскому и т.д.) и др. Постановлением от 10 марта для оказания дополнительной помощи семьям военнослужащих выделялось в марте за счет городских фондов 7200 пудов хлеба, постановлением от 5 мая на май выделялось хлеба для остро нуждающихся семей военнослужащих южных и северо-восточных районов республики в количестве 121 т для организации общественного питания колхозникам, занятым на полевых работах, в том числе 48,5 т для трактористов МТС. Также выделялось 6450 шт. верхней мужской одежды, 2600 шт. женской и 1440 шт. детской [8, л. 57-60; 9, л. 44-45; 1, с. 160, 161, 172-174].

По подсчетам автора, за период с 20 января по 20 февраля 1944 г. через пункты военной цензуры отдела «В» НКГБ БАССР прошли 6930 писем-жалоб на нехватку продовольствия, с 25 июля по 31 августа – 1200 жалоб, с 1 августа по 1 сентября – 9405, с 5 сентября по 23 сентября – 500 жалоб и т.д., особенно много из Янаульского, Байкибашевского районов. Из деревни Сюраш Каримов Г. пишет письмо на фронт Хакимову А.: «Из колхоза хлеба не дают ни грамма. Отец ходил в район просить о помощи и по дороге умер от голода, был весь опухший. Урожай нынче плохой, хлеба нет...» (18 ноября 1944 г.). В мае 1944 г. из деревни Куваково Кушнаренокского района Крашенинников Михаил пишет письмо брату на фронт: «...Народ голодает, картофеля почти что в каждом дворе нет, едят овчины овечьи, телячьи и коровьи. Едят даже собак и скоро кошек начнут. Я 6 апреля ходил к тетке Бакеевой, она меня заставила зарезать собаку, я зарезал, и она даже хочет голову собачью опалить и есть. Петруха Зубарьков уже две собаки съел. На хуторе у Марины уже пять кож съели и ребятишки еще просят—давай еще с полатай кожу... Едят полуколевших лошадей...» [7, л. 456 об., 459 об., 459, 31].

Весной 1944 г. Борисова Мария Дмитриевна из деревни Кисеек Кигинского района писала мужу на фронт: «Ваня, мы живем плохо, хлеба нет, картошка вымокла, едим желуди, думаем ехать на производство, в колхозе жить невозможно. А Евдокия живет еще хуже,

картошки нисколько нет, ребята собирают подаяние. Мы уже третью зиму не едали хлеба, живем на одной постной картошке, и то едим не досыта». На фронт письмо из Кармаскалинского района Абдульмановой Зияды: «... Кушать нечего, не знаю, что делать, совсем обнищали, продавать нечего. Не знаю, останемся ли живы, если умрем, то прости нас. Большой голод, как в 1921 году». В каждом из этих писем душераздирающий крик о помощи. Письмо из Дюртюлинского района на фронт: «...В деревне голод, люди голодуют. Наверное, ты не веришь, иногда мы в неделю раз не кушаем. Последнюю овцу взяли за семена, не только мы, такое положение у всех» (Хамедуллина Фая). В Башкирии в годы войны были даже попытки со стороны матери убить своего ребенка, случаи людоедства. Об этом говорилось в спецсообщении, направленном наркомку внутренних дел Л. Берии 9 марта 1944 г. В Бураевском районе в колхозе им. Маркса колхозница—жена фронтовика М. Зинатуллина, на иждивении которой находилось четверо детей, опухших от голода, пыталась убить одного ребенка, чтобы прокормить остальных детей. Она же убила кошку и кормила детей. Одного из двух детей пыталась убить М. Галева.

Об этом же свидетельствует письмо Исхаковой из Кутлугузинского сельсовета Гафурийского района в Акмолинскую область: «Дорогая сестренка! Здесь страдающих за кусок хлеба очень много. Люди употребляют в питание человеческое мясо...». В другом донесении, составленном 25 марта 1944 г., говорилось о том, что в Мечетлинском районе Башкирии большинство семей-фронтовиков распродали или съели свое личное имущество. Остались без одежды и без обуви. Едят липовую муку, смолотую из высушенного липового кустарника. Обжигают и едят сыромятную кожу, мясо павших животных... Высокая детская смертность в колхозах «Искра», им. Нуриманова, «Юлдус»... В колхозе «Искра» из 50 семей в течение месяца умерли 31 человек. Не хоронят умерших по 1–3 дня, трупы лежат рядом на нарах с другими опухшими членами семей. Отдельные взрослые члены семей оставляют на произвол истощенных детей без продуктов и одежды, а сами уходят в другие районы в поисках продуктов». Такие же случаи были в Макаровском районе – по Алатановскому сельсовету – 3, по Арметовскому сельсовету – 2 случая. Видя страдания своих односельчан, отдельные руководители колхозов БАССР встали на путь расходования семенного фонда на продовольствие. Так, в Мечетлинском районе в колхозе им. Жданова израсходовали 4 ц семенного фонда, в колхозе «Кзыл юл» – 1 ц и т.д. За январь–март 1944 г. в Башкирии было выделено голодающим колхозникам 10 т хлеба [6, л. 396–401 об., 346 об., 359, 360, 317 об., 318, 369]. Это, конечно, была капля в море.

По неполным данным, по подсчетам автора, с 20 января по 23 ноября 1944 г. через военную цензуру БАССР прошли 28 266 жалоб на продовольственные трудности. Но если считать, что от каждой семьи написано по одному письму на фронт, и то получается 7 % от общего количества колхозных дворов (в 1944 г. всего колхозных дворов 405,5 тыс.). А ведь надо учитывать и то, что не все семьи писали фронтовикам правду о своем тяжелом материальном положении, чтобы не расстраивать их. Когда уже становилось невыносимо тяжело, вот тогда и шли такие письма на фронт, правда, они редко когда доходили до адресата, так как военная цензура их не пропускала. За период с 29 декабря 1944 г. по 18 июня 1945 г., по неполным данным по подсчетам автора, через военную цензуру республики прошли 2423 письма-жалобы на продовольственные трудности. За период с 29 декабря 1944 г. по 18 июня 1945 г., по неполным данным, через военную цензуру республики прошли 2423 письма-жалобы на продовольственные трудности [5, с. 298].

В целом потенциал писем сельских жителей для воссоздания жертвенного подвига деревни в годы Великой Отечественной войны и повседневной жизни сельских тружеников представляется огромным и использованным в очень незначительной степени. В свете разработки новых исследовательских направлений (социальная

история, история повседневности, гендерная история) ощутима потребность в серьезной «ревизии» данного вида источников и методов их анализа, постановке перед ними новых вопросов о Великой Отечественной войне.

1. Башкирия в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг.: документы и материалы. – Уфа: Китап, 1995. – 542 с.
2. Корнилов, Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны / Г.Е. Корнилов. – Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1990. – 221 с.
3. Оренбургский областной историко-краеведческий музей (ООИКМ ОРОМ 12140/2. 6 октября 1942.
4. Россровский, В.П. Золотые звезды Оренбуржья / В.П. Россровский. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1989. – 512 с.
5. Хисамутдинова, Р.Р. Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы / Р.Р. Хисамутдинова. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2002. – 300 с.
6. Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ). – Ф. 122. – Оп. 24. – Д. 44.
7. ЦГАОО РБ. – Ф. 122. – Оп. 24. – Д. 43.
8. ЦГАОО РБ. – Ф. 122. – Оп. 24. – Д. 92 а.
9. ЦГАОО РБ. – Ф. 122. – Оп. 23. – Д. 100а.
10. ЦГАОО РБ. – Ф. 122. – Оп. 23. – Д. 26.
11. Центр документации новейшей истории Оренбургской области. – Фонд 371. – Оп. 9. – Д. 134.
12. Центр документации новейшей истории Оренбургской области. – Фонд 371. – Оп. 9. – Д. 511.